ТРАНСФОРМАЦИЯ РОЛИ КИТАЯ В АФГАНСКОМ ВОПРОСЕ И ОБЕСПЕЧЕНИИ БЕЗОПАСНОСТИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Георгий Андреевич Сизов

*Российский институт стратегических исследований,
Москва, Россия*

<p>Информация о статье:</p> <p><i>Заявлено к публикации:</i> 21 октября 2019</p> <p><i>Поступила в редакцию:</i> 1 февраля 2020</p> <p><i>Принята к печати:</i> 20 марта 2020</p>	<p>Аннотация: Мир в Центральной Азии (ЦА) и Афганистане напрямую затрагивают долгосрочные интересы Китая в области экономики и безопасности. В частности, речь идет об обеспечении стабильности в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР) и продвижении китайского Экономического пояса Шелкового пути. Именно поэтому взаимодействие с центральноазиатскими государствами в данной области сохраняет особую актуальность для Пекина. С 2014 г. происходит определенная милитаризация подхода Пекина к обеспечению безопасности собственных интересов за рубежом, что особенно заметно на примере Афганистана. Однако и здесь политика Китая носит скорее защитный характер и зачастую пролегал в «серой зоне», так как заявления официальных властей и различные сообщения СМИ создают двойственное впечатление о наличии китайского военного присутствия в афганском приграничье. Несмотря на наращивание дипломатических усилий и расширение военного компонента своей политики, влияние КНР на афганский мирный процесс остается ограниченным и направлено, в первую очередь, на сдерживание угроз для своих интересов в СУАР и ЦА</p>
<p>Об авторе: научный сотрудник, Центр Азии и Азиатско-Тихоокеанского региона, Российский институт стратегических исследований (РИСИ) e-mail: sizov.g.a@riss.ru</p>	
<p>Ключевые слова: Китай; Афганистан; Центральная Азия; политика безопасности; терроризм; экстремизм; Синьцзян; уйгуры</p>	

Центральная Азия, будучи этнокультурно и исторически связанной с западными регионами Китая, преимущественно Синьцзян-Уйгурским автономным районом, занимает важное место в китайской внешнеполитической стратегии. Интенсивное промышленное развитие Синьцзяна, растущие торгово-экономические связи с центральноазиатскими странами в начале 1990-х гг., а также создание Шанхайской организации сотрудничества позволили Пекину расширить свое влияние в области экономики и безопасности в регионе.

Проект Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП), предложенный председателем КНР Си Цзиньпином в 2013 г., является своего рода зонтичной инициативой для всех китайских инвестиций в регионе и на-

целен на то, чтобы более тесно связать Центральную и Южную Азию между собой и с Китаем для создания стратегически важного сухопутного транспортного коридора между КНР и Европой¹. На данном момент ключевыми проектами, соединяющими Синьцзян с Центральной и Южной Азией, являются свободная экономическая зона Хоргос на китайско-казахской границе, где будет расположен крупнейший транспортный хаб

¹ Видение и действия по совместному строительству экономического пояса Шелкового пути и Шелкового пути 21-го века / Государственный комитет по развитию и реформам, 2015, март (推动共建丝绸之路经济带和21世纪海上丝绸之路的愿景与行动 / 中华人民共和国国家发展和改革委员会, 2015年3月). Режим доступа: http://www.ndrc.gov.cn/gzdt/201503/t20150328_669091.html

для организации доставки китайских товаров на рынки Ближнего Востока, Европы и Африки; а также Китайско-Пакистанский экономический коридор (КПЭК), который начинается в г. Кашгар в Синьцзяне и идет дальше на юг через Пакистан вдоль границы с Индией к порту в г. Гвадар, где Китай строит торговый порт и соответствующую инфраструктуру для получения доступа к Аравийскому морю и Индийскому океану².

Хотя в официальном представлении ЭПШП, равно как и Морской Шёлковый путь, является сугубо экономико-инфраструктурным проектом, *его реализация так или иначе зависит от решения целого комплекса проблем в области обеспечения безопасности, которые сосредоточены преимущественно вокруг Афганистана и Пакистана*. Не менее важным регионом с точки зрения обеспечения безопасности для китайских инициатив является и Центральная Азия, где угроза терроризма и радикализма продолжает сохраняться, хотя и в латентном виде. Во многом этому способствует хроническая нерешенность целого ряда социально-экономических проблем, определенный идеологический вакуум, образовавшийся после распада СССР и вызванный разочарованием местными правительствами; ретрадиционализация и реархаизация социально-культурной сферы в ряде центральноазиатских обществ, а также общая неустойчивость, нестабильность политических институтов и режимов центральноазиатских государств³, в значительной степени зависящих от гарантий и сотрудничества в сфере безопасности и экономики, включая различные виды экономической помощи.

² Bhavna, Dave; Yuka, Kobayashi. China's Silk Road Economic Belt Initiative in Central Asia: Economic and Security Implications // *Asia Europe Journal*, September 2018, Vol. 16(3), pp. 2-3.

³ Годы, которые изменили Центральную Азию // Под ред. Звягельской И.Д. М.: Центр стратегических и политических исследований Института Востоковедения РАН, 2009. С. 33-34. [Gody, kotoryye izmenili Tsentral'nuyu Aziyu (The Years That Changed Central Asia) // Ed. by Zvyagel'skaya I.D. Moscow: Tsentrstrategicheskikh i politicheskikh issledovaniy Instituta Vostokovedeniya RAN, 2009. Pp. 33-34.]

Дальнейшая траектория развития террористических угроз в регионе будет определяться двумя основными факторами: во-первых, *исходом продолжающихся вооруженных конфликтов на Ближнем Востоке и в Афганистане и, во-вторых, будущим Исламского государства и Аль-Каиды в регионе*. Действительно, учитывая повышенные меры безопасности в центральноазиатских государствах и решимость многих боевиков из стран региона продолжать воевать в горячих точках на Ближнем Востоке и в Афганистане, большая часть этих иностранных террористов-боевиков не сможет вернуться к себе на родину. В то же время недавние нападения в Таджикистане свидетельствуют о росте влияния ИГ в регионе, особенно в виртуальном пространстве, несмотря на поражение в Сирии и Ираке. Судя по всему, ИГ и дальше будет пытаться вдохновлять и поддерживать проведение низкотехнологичных терактов путем распространения пропаганды через свои децентрализованные локальные ячейки или отдельных сторонников. В дополнение ко всему вышесказанному, новым фактором радикализации местного населения центральноазиатских стран и проживающих в них этнических уйгуров может стать политика Китая в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, а также рост экономического присутствия в странах ЦА, что также будет оказывать негативное влияние на безопасность в регионе.

Наиболее активное взаимодействие по линии противодействия терроризму на двухсторонней основе у Китая налажено с Казахстаном и Таджикистаном, с которыми он достаточно регулярно проводит совместные военные учения, в том числе по защите критически важных объектов инфраструктуры. Кроме того, крупные инвестиции Китая в Таджикистан, а также его заинтересованность в сдерживании нестабильности из Афганистана вынудили Китай вложить средства в обеспечение безопасности слабо охраняемой границы между Таджикистаном и Афганистаном, через которую проходит контрабанда различных товаров, наркотрафик и которая является своего рода убежищем для ис-

ламских радикалов и преступных группировок⁴.

Ситуация в сфере безопасности в Афганистане в последние два года продолжает оставаться крайне тяжелой: с каждым разом наступательные операции и масштабные теракты со стороны Талибана продолжают подрывать положение официального правительства в Кабуле. Хотя ни одна из воюющих сторон до сих пор не может переломить ход конфликта силовым путем, общая стратегическая ситуация складывается скорее в пользу Талибана, о чем свидетельствует его жесткая позиция на мирных переговорах и установка на продолжение военных действий. В 2019 г. и далее всё будет зависеть от динамики американо-талибских переговоров и устойчивости официального правительства в Кабуле. Исход президентских выборов также окажет непосредственное влияние на будущее направление мирного процесса и политическую стабильность в Афганистане.

В то же время решение США о выводе или сохранении своих войск в Афганистане будет может иметь решающий характер. Если США решат уйти из Афганистана поэтапно, обеспечивая политическое решение конфликта и стабилизацию военно-политической ситуации, то уровень насилия в стране может пойти на спад, но такой вариант развития событий представляется крайне маловероятным с учётом всех вышеупомянутых факторов. Вместе с тем, разработка деталей политического урегулирования может оказаться крайне сложной, учитывая разнонаправленность интересов и требований противоборствующих сторон, а также их внутреннюю неоднородность. Если же США решат вывести свои войска из Афганистана в спешном порядке, как это было в Ираке в 2011 году, и оставить официальное правительство в Кабуле один на один со своими проблемами, то ситуация в

Афганистане с большой вероятностью серьёзно ухудшится⁵.

Вопрос афганского урегулирования и обеспечения безопасности в регионе напрямую затрагивает интересы Китая. *Хотя Пекин не является движущей силой мирного процесса в Афганистане, его военно-политические шаги в приграничных районах оказывают влияние на стабильность региона и являются фактором, который также необходимо учитывать при анализе афганской проблемы.*

На данном этапе главный интерес Китая в Афганистане – это обеспечение безопасности своих западных рубежей, инфраструктурных проектов и новых торговых маршрутов в рамках инициативы «Пояса и пути» в Центральной и Южной Азии. Помимо базирующихся в Афганистане уйгурских боевиков, особую озабоченность Пекина вызывает подъем ИГИЛ, которое открыто угрожает безопасности региона. КНР опасается неконтролируемой дестабилизации Афганистана, которая может затронуть центральноазиатские государства и, в конечном счете, Синьцзян, где им в последние несколько лет были предприняты беспрецедентные меры по обеспечению безопасности.

Сейчас Китай остается заинтересованным в ограниченном военном контингенте США, так как *сам не готов взять на себя роль гаранта безопасности.* Резкий выход США из Афганистана, по мнению китайского руководства, серьёзным образом подорвет стабильность в стране и регионе⁶. Вместе с тем в долгосрочной перспективе присутствие США нежелательно, так как

⁴ Shahbazov, F. China's Long March into Central Asia: How Beijing Expands Military Influence in Tajikistan // The Central Asia-Caucasus Analyst, February 21, 2017. Mode of access: <https://caciaanalyst.org/publications/analyticalarticles/item/13429-china%E2%80%99s-long-march-into-central-asia-how-beijing-expands-militaryinfluence-in-tajikistan.html>

⁵ Годы, которые изменили Центральную Азию // Под ред. Звягельской И.Д. М.: Центр стратегических и политических исследований Института Востоковедения РАН, 2009. С. 42. [Gody, kotoryye izmenili Tsentral'nyuyu Aziyu (The Years That Changed Central Asia) // Ed. by Zvyagel'skaya I.D. Moscow: Tsentral'nyy Institut strategicheskikh i politicheskikh issledovaniy Instituta Vostokovedeniya RAN, 2009. P. 42.]

⁶ 赵华胜. 特朗普政府的阿富汗新战略及中国的政策选择 [Чжао Хуашен. Новая стратегия администрации Трампа в отношении Афганистана и политические опции для Китая] // 凤凰国际智库. 28.10.2017. Mode of access: https://pit.ifeng.com/a/20171028/52830533_0.shtml

оно рассматривается Китаем как часть американской политики сдерживания.

Внастоящеевремявоенно-политическая стратегия Китая в Афганистане в большей степени характеризуется стремлением «хеджировать» риски безопасности, исходящие с афганской территории. Данный подход, как представляется, находит свое отражение в трех основных компонентах, каждый из которых получал приоритетное развитие в разные периоды времени.

Во-первых, Китай оказывает поддержку официальному правительству в Кабуле с целью увеличения его устойчивости и способности противодействовать антиправительственным группировкам. Предложенная в 2011 г. «новая афганская политика» КНР заключается в оказании экономической (гуманитарной) и невоенной помощи в сфере безопасности (поставка небоевого снаряжения и оборудования для афганской полиции, её обучение китайскими специалистами и т.д.)⁷. В 2016 г. Китай заявил о том, что рассматривает возможность перехода к новой модели военного сотрудничества с Афганистаном, которая подразумевала бы углубление обменов разведывательной информацией для противодействия терроризму, совместные учения и операции, а также тренировку афганских сил безопасности⁸. Кроме этого, в 2018 г. намечилось изменение подхода Пекина к поставкам военной техники правительству Афганистана: Китай пообещал афганскому правительству поставить боевые вертолеты и другие вооружения⁹.

Во-вторых, Китай стремится продвигать собственные посреднические услуги между всеми сторонами афганского конфликта и сохранять с ними всеми хорошие отношения. С 2014 г. в китайской дипломатии можно выделить два направления: с одной стороны, посредничество в прямых контактах между официальным Кабулом и Талибами и, с другой стороны, осуществление челночной дипломатии и посредничества между Афганистаном и Пакистаном посредством трехсторонних консультационных механизмов¹⁰. В качестве главных условий стабилизации Афганистана Пекин видит примирение официального Кабула и Талибана и налаживание конструктивных отношений между Афганистаном и Пакистаном.

В глазах талибов Пекин обладает положительным имиджем, а его позиция «нейтральной стороны» воспринимается достаточно благожелательно¹¹. Известно, что в китайском посредничестве между Кабулом и Талибаном также принимала участие пакистанская разведка, как это было, к примеру, в ходе тайных переговоров в конце мая 2015 г. в китайском городе Урумчи¹². С 2017 г. Пекин начал на регулярной основе практически открыто принимать на своей территории делегации талибов. Последний визит представителей Талибана во главе с Абдулом Гани Барадаром состоялся в июне 2019 г. Похоже, что китайцы всерьез рассматривают возможность вхождения Талибана в будущее афганское правительство и стре-

⁷ 肖河。中国的新阿富汗政策：经济止损，深度介入 [Сяо Хэ. Новая политика КНР в Афганистане: ограничение экономических потерь и усиление вовлеченности] // 中国网。13.01.2016. Mode of access: http://opinion.china.com.cn/opinion_87_143187.html

⁸ 阿富汗瓦罕走廊：中国军事基地的猜想与现实 [Строительство китайской военной базы в Ваханском коридоре Афганистана: догадки и реальность] // BBC News 中文。04.09.2018. Mode of access: <https://www.bbc.com/zhongwen/simp/world-45400524>

⁹ Martina M. Afghan Troops to Train in China, Ambassador Says // *The Star Online*. September 6, 2018. Mode of access: [https://www.thestar.com.my/news/world/2018/09/06/afghan-troops-](https://www.thestar.com.my/news/world/2018/09/06/afghan-troops-to-train-in-china-ambassador-says)

[to-train-in-china-ambassador-says](https://www.thestar.com.my/news/world/2018/09/06/afghan-troops-to-train-in-china-ambassador-says)

¹⁰ 杨溪，李伟。阿富汗和平路上的中国角色 [Ян Си, Ли Вэй. Роль Китая в мирном урегулировании конфликта в Афганистане] // 新华网。19.07.2018. Mode of access: http://www.xinhuanet.com/globe/2018-07/19/c_137314574.htm

¹¹ Dilawar Ismail. ‘Father of the Taliban’ Calls on China to Aid Afghan Peace Talks // *Bloomberg*. October 2, 2018. Mode of access: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2018-10-01/father-of-the-taliban-calls-on-china-to-aid-afghan-peace-talks>

¹² 邱林。阿富汗对中国究竟是福地还是泥潭？ [Цю Линь. Чем, все-таки, является Афганистан для Китая: кладезю богатств или трясиной?] // 搜狐。26.05.2015. Mode of access: <http://qiulin2011.blog.sohu.com/308923647.htm>

мятся сохранить рабочие отношения с данным движением¹³.

С 2015 г. Китай пытается наладить *диалог между Афганистаном и Пакистаном* путем проведения челночной дипломатии и создания трехсторонних механизмов сотрудничества, включая консультации на уровне министров и замминистров иностранных дел¹⁴. В ходе трехсторонней встречи в мае 2018 г. наметился прогресс в выработке соглашений о сотрудничестве между Афганистаном и Пакистаном в области безопасности и торгово-экономического взаимодействия. В частности, был подписан «План совместных действий для мира и единства между Афганистаном и Пакистаном», подразумевающий создание двухсторонних механизмов сотрудничества и управления кризисами. На третьем совещании министров иностранных дел 7 сентября 2019 г. страны вновь подтвердили намерение развивать трехсторонние контакты по вопросам мирного процесса в Афганистане, стабилизации региона, совместной реализации «Пояса и пути» и контртеррористического сотрудничества¹⁵.

По сути, подобная политика Китая дублирует попытки США примирить враждующие стороны, однако Китай не оказывает жесткого давления на Исламабад и пытается убедить его подтолкнуть Талибан к мирным переговорам с правительством в Кабуле. Хотя на данном направлении Китаю пока что не удалось достичь существенного прогресса, совместные усилия Пекина и Исла-

мабада, судя по всему, оказали позитивное влияние на решение Талибана объявить перемирие в июне 2018 г.¹⁶

Третьим компонентом стратегии Китая в отношении Афганистана является *военное сдерживание угроз, связанных с терроризмом и экстремизмом*. С ноября 2016 г. в СМИ все чаще стала появляться информация о совместном патрулировании китайскими и афганскими подразделениями приграничного района Базайи-Гумбад в уезде Вахан афганской провинции Бадахшан (Ваханский коридор)¹⁷. Примечательно, что китайские патрульные подразделения вооруженной народной полиции координируют свои действия с таджикскими пограничниками и попадают на территорию Афганистана через Таджикистан. По некоторым данным, в Бадахшане до 2018 г. отмечалось присутствие от нескольких сотен до двух тысяч иностранных боевиков, преимущественно этнических уйгуров, прибывших из центральноазиатских государств в 2017 г.¹⁸ Согласно китайским оценкам, в последнее время наблюдается отток уйгурских боевиков из Афганистана в Сирию и их число могло снизиться до 100 человек.

Особое внимание многих экспертов привлекает расширение военного присутствия КНР в Афганистане и Таджикистане. В начале 2018 г. начали поступать сообщения о том, что Китай предложил свою финансовую и материальную помощь Афганистану в строительстве тренировочной базы для афганской горнострелковой бригады в Вахан-

¹³ China courted Afghan Taliban in secret meetings // *Financial Times*. August 6, 2018. Mode of access: <https://www.ft.com/content/66b0906a-993d-11e8-9702-5946bae86e6d>

¹⁴ 戚振宏. Афганистан в проекте «Пояс и Путь» и политика Китая по отношению к ИРА // *中国国际问题研究院*. 30.10.2018. Mode of access: http://www.ciis.org.cn/chinese/2018-10/30/content_40554987.html

¹⁵ 王毅介绍第三次中阿巴外长对话共识 [Ван И рассказал о консенсусе, достигнутом в ходе третьих по счету консультаций министров иностранных дел Китая, Афганистана и Пакистана] // *中外交部长* [Министерство иностранных дел КНР]. 08.09.2019. Mode of access: https://www.fmprc.gov.cn/web/wjzb_673089/xghd_673097/t1695554.shtml

¹⁶ Yousaf, K. Afghan Eid truce 'backed by Pakistan, China' // *The Express Tribune*. June 11, 2018. Mode of access: <https://tribune.com.pk/story/1732330/1-afghan-eid-truce-backed-pakistan-china>

¹⁷ Snow, S. Chinese Troops Appear to Be Operating in Afghanistan, and the Pentagon Is OK with It // *Military Times*. March 5, 2017. Mode of access: <https://www.militarytimes.com/news/pentagon-congress/2017/03/05/chinese-troops-appear-to-be-operating-in-afghanistan-and-the-pentagon-is-ok-with-it>

¹⁸ Уйгуры в горах Бадахшана. Зачем Китаю отрицать планы по укреплению дальних подступов [Uyghurs in the mountains of Badakhshan. Why should China deny plans to strengthen long-range approaches] // *Информационное агентство Фергана*. 06.02.2018. Mode of access: <https://www.fergananews.com/articles/9788>

ском коридоре¹⁹. В 2016 г. Китай согласился профинансировать строительство 11 пограничных контрольно-пропускных пунктов и военных тренировочных баз для таджикских пограничников (по некоторым данным, это число может быть больше официально заявленного). По сообщениям западных СМИ, Пекин имеет собственный военный объект в Мургабском районе Горно-Бадахшанской автономной области на границе с Афганистаном, который предназначен для наблюдения за возможными перемещениями боевиков из Ваханского коридора в Афганистане²⁰. Военные учения Китая и Таджикистана в 2016 г. и в начале августа 2019 г. также свидетельствуют о желании Китая на дальних подступах обезопасить себя от угроз с территории Афганистана.

Схожую цель преследуют иницируемые Китаем (по большей части, НОАК) многосторонние механизмы в регионе. Так, в августе 2016 г. КНР, Афганистан, Пакистан и Таджикистан запустили новый формат контртеррористического сотрудничества, который изначально был нацелен на совершенствование пограничного контроля. В 2017 г. между вооруженными силами четырех стран были подписаны «Соглашение о координационном механизме по противодействию терроризму» и «Протокол о координационном центре по обмену информацией для противодействия терроризму». В апреле 2018 г. страны заявили о готовности проводить совместные контртеррористические учения. Существование данного четырехстороннего механизма свидетельствует о том, что *Пекин считает недостаточным*

для защиты собственных интересов имеющееся взаимодействие по контртеррористической проблематике в рамках ШОС и на двухстороннем уровне в регионе.

Подход КНР к обеспечению безопасности вокруг границ Афганистана является прямым продолжением его политики в Синьцзяне. Судя по всему, Пекин действительно опасается проникновения антикитайских боевиков в Таджикистан и СУАР, хотя вероятность этого невысока, учитывая сложность природно-географических условий в афганском Ваханском коридоре и таджикском Горно-Бадахшанском автономном районе. В 2008-2009 гг, когда президент США Барак Обама пытался вовлечь Китай в обеспечение безопасности в Афганистане, китайское руководство не рассматривало Ваханский коридор в качестве потенциальной угрозы для Синьцзяна. Однако после ужесточения режима безопасности в 2015-2016 гг. в СУАР, Пекин, судя по всему, поставил цель добиться полного контроля над международными границами Синьцзяна для его изоляции от любого внешнего влияния. Создание в Синьцзяне нового контртеррористического подразделения народной вооруженной полиции «Горный орел» свидетельствует о том, что Китай подготавливает почву для возможных операций в природно-географических условиях, близким к Центральной Азии и Афганистану²¹.

Таким образом, несмотря на наращивание дипломатических усилий и усиление военного компонента своей политики, влияние КНР на афганский мирный процесс остается ограниченным и направлено, в первую очередь, на сдерживание угроз для китайских интересов в СУАР и ЦА. Стратегическая цель Китая – усилить безопасность вокруг Ваханского коридора и на таджикско-афганской границе. Опасения китайских аналитиков все больше вызывает влияние ситуации в Афганистане на стабильность в центральноазиатских странах и Пакистане. Именно поэтому, как полагают западные эксперты, Китай будет продолжать оставлять

¹⁹ Chan, M. China Is Helping Afghanistan Set up Mountain Brigade to Fight Terrorism // *South China Morning Post*. August 28, 2018. Mode of access: <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy-defence/article/2161745/china-building-training-camp-afghanistan-fight>

²⁰ Shih, G. In Central Asia's Forbidding Highlands, a Quiet Newcomer: Chinese Troops // *The Washington Post*. February 18, 2019. Mode of access: https://www.washingtonpost.com/world/asia_pacific/in-central-asias-forbidding-highlands-a-quiet-newcomer-chinese-troops/2019/02/18/78d4a8d0-1e62-11e9-a759-2b8541bbbe20_story.html?utm_term=.ed4098886b98

²¹ New Counter-Terror Force in Xinjiang / *China Military Online*, 21.08.2019. Mode of access: http://eng.chinamil.com.cn/view/2019-08/21/content_9596242.htm

ся в стороне от активной роли в афганском урегулировании, сосредоточившись исключительно на «хеджировании» рисков для своих интересов.

Литература:

Годы, которые изменили Центральную Азию // Под ред. Звягельской И.Д. М.: Центр стратегических и политических исследований Института Востоковедения РАН, 2009.

Bhavna, Dave; Yuka, Kobayashi. China's Silk Road Economic Belt Initiative in Central Asia: Economic and Security Implications // *Asia Europe Journal*, September 2018, Vol. 16 (3).

Chan, M. China Is Helping Afghanistan Set up Mountain Brigade to Fight Terrorism // *South China Morning Post*. August 28, 2018. Mode of access: <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy-defence/article/2161745/china-building-training-camp-afghanistan-fight>

Shahbazov, F. China's Long March into Central Asia: How Beijing Expands Military Influence in Tajikistan // *The Central Asia-Caucasus Analyst*, February 21, 2017. Mode of access: <https://cacianalyst.org/publications/analyticalarticles/item/13429-china%E2%80%99s-long-march-into-central-asia-how-beijing-expands-militaryinfluence-in-tajikistan.html>

Shih, G. In Central Asia's Forbidding Highlands, a Quiet Newcomer: Chinese Troops // *The Washington Post*. February 18, 2019. Mode of access: https://www.washingtonpost.com/world/asia_pacific/in-central-asias-forbidding-highlands-a-quiet-newcomer-chinese-troops/2019/02/18/78d4a8d0-1e62-11e9-a759-2b8541bbbe20_story.html?utm_term=.ed4098886b98

Yousaf, K. Afghan Eid Truce 'backed by Pakistan, China' // *The Express Tribune*. June 11, 2018. Mode of access: <https://tribune.com.pk/story/1732330/1-afghan-eid-truce-backed-pakistan-china/>

戚振宏. Афганистан в Китае «Один пояс, один путь» инициативы роль Афганистана в проекте «Пояс и Путь» и политика Китая по отношению к ИРА // *China International Problem Research Institute*. 30.10.2018. Mode of access: http://www.ciis.org.cn/chinese/2018-10/30/content_40554987.html

杨溪, 李伟. Афганистан и мирное урегулирование конфликта в Афганистане // *新华网*. 19.07.2018. Mode of access: http://www.xinhuanet.com/globe/2018-07/19/c_137314574.htm

肖河. Китайская новая Афганистанская политика: экономические потери и усиление вовлеченности // *China International Problem Research Institute*. 13.01.2016. Mode of access: http://opinion.china.com.cn/opinion_87_143187.html

赵华胜. Трамп и новая Афганистанская стратегия администрации Трампа в отношении Афганистана и политические опции для Китая // *凤凰国际智库*. 28.10.2017. Mode of access: https://pit.ifeng.com/a/20171028/52830533_0.shtml

邱林. Афганистан в Китае: «Один пояс, один путь» инициативы роль Афганистана в проекте «Пояс и Путь» и политика Китая по отношению к ИРА // *China International Problem Research Institute*. 30.10.2018. Mode of access: http://www.ciis.org.cn/chinese/2018-10/30/content_40554987.html

References:

Bhavna, Dave; Yuka, Kobayashi. China's Silk Road Economic Belt Initiative in Central Asia: Economic and Security Implications // *Asia Europe Journal*, September 2018, Vol. 16(3).

Chan, M. China Is Helping Afghanistan Set up Mountain Brigade to Fight Terrorism // *South China Morning Post*. August 28, 2018. Mode of access: <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy-defence/article/2161745/china-building-training-camp-afghanistan-fight>

Gody, kotoryye izmenili Tsentral'nuyu Aziyu (The Years That Changed Central Asia) // Ed. by Zvyagel'skaya I.D. Moscow: Tsentr strategicheskikh i politicheskikh issledovaniy Instituta Vostokovedeniya RAN, 2009.

Shahbazov, F. China's Long March into Central Asia: How Beijing Expands Military Influence in Tajikistan // *The Central Asia-Caucasus Analyst*, February 21, 2017. Mode of access: <https://cacianalyst.org/publications/analyticalarticles/item/13429-china%E2%80%99s-long-march-into-central-asia-how-beijing-expands-militaryinfluence-in-tajikistan.html>

Shih, G. In Central Asia's Forbidding Highlands, a Quiet Newcomer: Chinese Troops // *The Washington Post*. February 18, 2019. Mode of access: https://www.washingtonpost.com/world/asia_pacific/in-central-asias-forbidding-highlands-a-quiet-newcomer-chinese-troops/2019/02/18/78d4a8d0-1e62-11e9-a759-2b8541bbbe20_story.html?utm_term=.ed4098886b98

Yousaf, K. Afghan Eid Truce 'backed by Pakistan, China' // *The Express Tribune*. June 11, 2018. Mode of access: <https://tribune.com.pk/story/1732330/1-afghan-eid-truce-backed-pakistan-china/>

戚振宏. Афганистан в Китае «Один пояс, один путь» инициативы роль Афганистана в проекте «Пояс и Путь» и политика Китая по отношению к ИРА // *China International Problem Research Institute*. 30.10.2018. Mode of access: http://www.ciis.org.cn/chinese/2018-10/30/content_40554987.html

邱林. Афганистан в Китае: «Один пояс, один путь» инициативы роль Афганистана в проекте «Пояс и Путь» и политика Китая по отношению к ИРА // *China International Problem Research Institute*. 30.10.2018. Mode of access: http://www.ciis.org.cn/chinese/2018-10/30/content_40554987.html

肖河. Китайская новая Афганистанская политика: экономические потери и усиление вовлеченности // *China International Problem Research Institute*. 13.01.2016. Mode of access: http://opinion.china.com.cn/opinion_87_143187.html

赵华胜. Трамп и новая Афганистанская стратегия администрации Трампа в отношении Афганистана и политические опции для Китая // *凤凰国际智库*. 28.10.2017. Mode of access: https://pit.ifeng.com/a/20171028/52830533_0.shtml

杨溪, 李伟. Афганистан и мирное урегулирование конфликта в Афганистане // *新华网*. 19.07.2018. Mode of access: http://www.xinhuanet.com/globe/2018-07/19/c_137314574.htm

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10022

TRANSFORMATION OF THE ROLE OF CHINA IN THE AFGHAN ISSUE AND ENSURING SECURITY IN CENTRAL ASIA

Georgy A. Sizov

*Russian Institute for Strategic Studies,
Moscow, Russia*

<p>Article history:</p> <p><i>Declared:</i> 21.10.2019</p> <p><i>Received:</i> 01.02.2020</p> <p><i>Accepted:</i> 20.03.2020</p>	<p>Abstract: Peace in Central Asia (CA) and Afghanistan directly affects China's long-term economic and security interests. In particular, it concerns ensuring stability in the Xinjiang Uygur Autonomous Region (XUAR) and promoting the Chinese Silk Road Economic Belt. That is why cooperation with Central Asian states in this area remains significant for Beijing. Since 2014, a certain militarization of Beijing's approach to ensuring the security of its own interests abroad has been taking place, which is especially noticeable in Afghanistan. However, here too, China's policy is more protective in nature and often lies in the "gray zone", as statements by official authorities and various media reports create a dual impression of the presence of a Chinese military presence in the Afghan border area. Despite stepping up diplomatic efforts and expanding the military component of its policy, China's influence on the Afghan peace process remains limited and is primarily aimed at containing threats to its interests in the XUAR and Central Asia</p>
<p>About the author: Researcher, Center for Asia and the Pacific Studies, Russian Institute for Strategic Studies (RISI)</p> <p>e-mail: sizov.g.a@riss.ru</p>	
<p>Key words: China; Afghanistan; Central Asia; Security policy; terrorism; extremism; Xinjiang; Uyghurs</p>	

Для цитирования: Сизов Г.А. Трансформация роли Китая в афганском вопросе и обеспечении безопасности в Центральной Азии // *Сравнительная политика*. – 2020. – № 2. – С. 89-96.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10022

For citation: Sizov, Georgy A. Transformatsiya roli Kitaya v afganskom voprose i obespechenii bezopasnosti v Tsentral'noy Azii (Transformation of the Role of china in the Afghan Issue and Ensuring Security in Central Asia) // *Comparative Politics Russia*, 2020, No. 2, pp. 89-96.

DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10022